

КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА

И егда поругашася Ему, совлекоша с Него багряницу, и облекоша Его в ризы Его, и ведоша Его на пропятие (Мф. 27, 31).

В первый раз Спаситель споткнулся и упал под тяжестью Своего Креста, пройдя примерно сто шагов от дворца Пилата. Не имевший покоя ни на минуту уже около суток, подвергаемый допросам, издевательствам, избиениям и бичеванию, Иисус, пройдя еще некоторое расстояние, упал во второй раз и не мог идти дальше.

Палачи озлобились. Они начали бить и пинать Страдальца. И все же Он не мог больше нести Своего Креста. Нужно было возложить Крест на кого-то другого. Но кто мог добровольно согласиться нести это позорное, по тогдашним понятиям, орудие казни? Сами палачи этого делать не собирались — для римлян это позор. А из евреев никто не мог даже прикоснуться к этому «нечистому дереву», чтобы не осквернить себя. Эта непредвиденная задержка привела исполнителей казни в ярость.

Но когда человеческие силы доходят до последних пределов и иссякают — приходит на помощь Промысл Божий. Так случилось и здесь. Чтобы помочь изнемогшему Крестоносцу и предотвратить новые поругания над Ним, вдруг появился человек, более всего подходивший для этого.

Это был чужестранец по имени Симон, родом из Кириanei. Его остановили и велели нести Крест. Он отказывался, поскольку и ему эта ноша казалась позорной. Но с ним можно было не церемониться и применить силу принуждения. И потому *сего заставили нести крест Его* (Мф. 27, 32).

Так, один из тех, которые были *отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники* (Еф. 2, 12), вдруг неожиданно сделался счастливейшим из людей, разделив с Самим Господом тяжесть Его Креста. Возвращаясь со своего поля, Симон явился званым на брак, стал символом призвания всех язычников к наследованию Царствия Небесного. Через это переложение Креста с рамен Искупителя на плечи Симона как будто переходила полнота всех таинств от «чад плотских к чадам духовным».

Симон был уже немолодой земледелец, близкий к ученикам Христовым, потому что евангелист Марк говорит о сыновьях его Александре и Руфе как о людях, хорошо известных в христианском обществе (Мк. 15, 21). Полагают, что апостол Павел в своем послании к Римлянам именно этого Руфа называл избранным о Господе и память его он настолько уважал, что мать его именовал своей матерью (Рим. 16,13). Из Деяний святых апостолов известно, что среди христиан, рассеявшихся из Иерусалима после гонения, бывшего после убийства иудеями первомученика Стефана, были и кипряне, и киринейцы, «которые, придя в Антиохию, говорили еллинам, благовествуя Господа Иисуса; и была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу» (Деян. 11, 20—21). Поэтому можно в праве предполагать, что Симон и сыновья его Александр и Руф были начатком Христианской Церкви у киринейцев, и проповедь язычникам еще до апостола Павла связана была с этой христианской ветвью, где рассказ о подвиге киринейнина Симона, несшего крест Христов, должен был передаваться в род и род. Если бы это была несущественная подробность Крестного пути Спасителя, она бы в Евангелии не упоминалась.

Слова Спасителя *«иже не носит креста своего, (тот) не может Мой быть ученик»* (Лк. 14, 27) содержат духовный смысл. Но духовный смысл стал возможен только потому, что Подвигоположник нашей веры однажды, взяв на Себя грехи всего мира, понес реальный крест к месту Своей искупительной жертвы.

Крест есть умерщвление, бездейственность страстей и неподвижность, ибо распинаемый пригвозждается и становится недействительным. Христос сначала должен был Сам взять крест и пригвоздить плоть Свою к страху Божию и просить бесстрашием, а потом уже возлагать его на покорных; ибо Симон значит «послушание».

Исполняется в сем и слова Исаии: *владычество на раменах Его* (Ис. 9, 6), ибо крест есть начальство Господа и Царство. Крест стал для Иисуса высотой и славою — *междорамия ея в блещании злата* (Пс. 67, 14).

Все совершается согласно с ветхозаветным прообразом. Как там Исаак, неся дрова, шел на заклание; так и здесь Господь идет, неся крест. Исаак служит прообразом Господа. Исаак значит «смех» или «радость». И Иисус Христос соделался нашей радостью: Он при самом зачатии Своим через Ангела подал естеству человеческому радость, ибо благовестие, которое услышала Дева, приняло все естество человеческое. Отец Исаака — Авраам, что значит «отец многих народов», есть прообраз Бога всех, Который есть Отец иудеев и язычников, по благоволению и определению Которого Сын Его несет крест. Как там Исаак был отпущен, а заклан агнец, так и здесь Божеское естество пребывало бесстрастно, а заклано человеческое естество, которое и называется агнцем.

В эти минуты «дщери иерусалимские» стояли вокруг и плакали, глядя на страдания Мужа скорбей. Эти слезы были естественным выражением жалости. Но они запоздали. Плакать теперь надо было уже не о Том, Чья участь была решена. Нужны были слезы глубокого сокрушения о том, что Иерусалим не понял, не узнал своего великого дня. Нужен был плач, подобный плачу Иеремии об опустелом Иерусалиме: *Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником* (Плач. 1, 1). Теперь нужно было плакать о себе и своих детях.

Сколько раз всем жителям Иерусалима были повторены слова: *Ходите, дондеже свет имате, да тьма вас не имет* (Ин. 12, 35). Но они не хотели слышать этих слов. Чада Сиона не захотели узнать кроткого и благодатного посещения Божия. Теперь приближалось время, когда Господь должен был прийти в другом виде — величественном и грозном.

И вот, обратившись к Иерусалиму, Спаситель в последний раз произнес слова, которые вскоре должны были исполниться во всем своем страшном величии: *Дщери Иерусалимски! не плачитесь о Мне, обаче себе плачите и чад ваших, яко се дние грядут, в няже рекут: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша* (Лк. 23, 28—29).

Да, совсем недолго было до наступления тех страшных времен, когда многодетные будут с завистью смотреть на бездетных; когда матери увидят в своих чадах не благословенный плод своего чрева, а пищу для своего насыщения... *Тогда начнут глаголати горам: падъте на ны! и холмом: покрыйте ны! Зане, аще в сурове древе — с зеленеющим деревом — сия творят, в сусе — с сухим — что будет?* (Лк. 23, 30—31). — Если римляне так поступили со Мною, деревом, вечно зеленеющим и вечно живущим силою Божества и плодами учения Своего всех питающим, то чего не причинят они вам — народу, дереву сухому, лишенного всякой животворной праведности и не приносящего никакого плода? Он предупреждал евреев, что у корня их дерева уже лежит секира, готовая срубить его, если оно будет по-прежнему бесплодно (Мф. 3, 10); но никакие предупреждения не действовали на этот жестоковыйный народ.

После этих слов путь продолжали. Через некоторое время одна женщина, жившая в доме прямо у Крестного пути, подошла ко Господу и отерла Его окровавленный лик полотенцем. Предание сохранило имя этой женщины — Вероника. По мнению одних, Вероника — сродница царя Ирода, другие считают, что это исцеленная Христом кровоточивая жена. Может быть, она и то, и другое вместе. Ведь, по Евангелию, кровоточивая была очень богата, потому что много лет понапрасну лечилась она у разных врачей, пока прикосновение к ризе Христовой не исцелило ее. А здесь Вероника, выйдя на пыльную дорогу Иерусалимскую в зной предполуденного часа и подав Христу убрис — полотенце, получила на нем запечатленный Образ Его.

Существует повествование о Нерукотворенном Образе Спасителя на убрусе. Это было еще в то время, когда Иисус Христос проповедовал в стране Иудейской. В Сирийском городе

Эдессе правил князь, по имени Авгарь. Он впал в тяжкую болезнь, все тело его покрылось проказой, и врачи не могли найти средств к исцелению. Князь услышал о Христе, чудесах, которые Он творил, и пожелал видеть Его, надеясь получить от Него помощь. Болезнь мешала ему предпринять путешествие, и он написал к Иисусу следующее письмо: «Авгарь, князь Эдесский, приветствует Иисуса, благого Спасителя, явившегося в странах Иерусалимских. Я слышал о Тебе и о чудных делах Твоих, слышал, что Ты исцеляешь болезни без всяких лекарств и трав, возвращаешь слепым зрение и хромым хождение, очищаешь прокаженных и отгоняешь от человека злых духов, что Ты одним словом Своим даешь силу расслабленным и воскрешаешь умерших. Слыша все это, я положил в уме своем, что Ты или Бог, сошедший с небес, или Сын Божий; и потому смиренно молю Тебя: потрудись прийти ко мне и исцели неизлечимую болезнь, которой я страдаю уже несколько лет. Я слышу еще, что иудеи ненавидят Тебя и желают сделать Тебе зло. Мой город хотя и не велик, но прекрасен и изобилует всем. Приди ко мне и живи в моем городе».

С этим письмом Авгарь послал в Иудею живописца, по имени Анания, которому поручил нарисовать изображение со Христа, если уж Сам Он не пойдет к нему. Анания прибыл в Иудею, но из-за множества народа, всегда следовавшего за Христом, трудно ему было подойти к Нему. Тогда однажды он встал на возвышенное место и оттуда, всматриваясь издали на лицо Спасителя, старался изобразить на хартии черты Его. Он долго трудился, но усилия его оставались тщетными: никак не мог изобразить сияющее небесной благодатью лицо Иисуса Христа. Между тем Господь Иисус Христос видел желание Анании и позвал его к Себе, назвав по имени. Он спросил письмо Авгаря и потом потребовал воды и полотенце, умылся, отер лицо вчетверо сложенным полотенцем и подал его изумленному Анании. На полотенце осталось изображение лица Христова. Господь повелел отнести к Авгарю это нерукотворенное изображение и вместе с тем послал ему письмо следующего содержания: «Блажен ты, Авгарь, что, не видев Меня, уверовал в Меня; ибо писано, что видевшие Меня не уверуют, а невидевшие уверуют и наследуют жизнь вечную (3 Езд. 1, 35). Ты просишь Меня прийти к тебе, но Мне надлежит совершить то, для чего Я послан, и по совершении возвратиться к Пославшему Меня Отцу; когда же вознесусь к Нему, то пошлю тебе одного из учеников Моих, который исцелит тебя совершенно и дарует жизнь тебе и другим с тобою».

Анания возвратился к Авгарю, который с радостью принял письмо и образ и тотчас же почувствовал облегчение от болезни. Но следы проказы оставались на лице его до тех пор, пока пришел обещанный ученик Христов. По вознесении Господа апостол Фаддей прибыл в Эдессу и даровал Авгарю совершенное исцеление и крещение.

Память христиан благоговейно указывает место, где Матерь Божия увидела Сына, шедшего на Голгофу. Встреча эта произошла в той части пути, на которой Он нес крест Сам. На повороте улицы, поднимавшейся в гору, Спаситель изнемог и упал под тяжестью креста. Предание дополняет, что Пресвятая Дева при начале крестного шествия обратилась к Пилату с мольбой о пощаде Сына, но, получив отказ, поспешила догнать печальное шествие ближайшей дорогою и, следуя через узкий переулок сзади дворца Пилата, встретила на этом месте с Божественным крестоносцем и с замиранием сердца увидела Его страдания...

Наконец, подошли к знаменитым Судным воротам.

Сын Человеческий, израненный и измученный, веден был теперь из города вон, к месту казни. Виноградари давно сговорились убить Наследника вне виноградника (см.: Мф. 21, 38—39). Но тут совершалось, конечно, дело Промысла Божия.

По закону Моисееву, было положено определенных животных изгонять вон из стана или из города, исповедовав над ними грехи народа. Тела же других жертвенных животных сжигали и тоже вне стана. Но в чем был смысл переложения грехов народа на неповинное, в сущности, домашнее животное? И почему приносить его в жертву надо было обязательно вне стана, вне города?

Тысячи лет эти вопросы оставались без ответа, но вот сегодня, в день крестной казни Спасителя, открывался, наконец, глубинный смысл этих установлений: «Вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира» (Ин. 1, 29). «Так как тела животных, которых кровь для *очищения* греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне

стана, — то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат» (Евр. 13, 11—12).

Итак, все жертвенные животные в течение долгих веков прообразовывали главную Жертву, умилостивляющую правосудие Господне — Агнца Божия, взявшего на Себя все грехи мира.

Праведник шел на Голгофу не один — с Ним вели двух злодеев-разбойников. Так *сбылось слово Писания: и к злодеям причтен* (Мк. 15, 28).

И привелоша Его на Голгофу место, еже есть сказано, лобное место (Мк. 15, 22). Сам внешний вид этого холма напоминал верхнюю лобную часть человеческого черепа. По древнему преданию, Голгофа является местом погребения Адама — дабы где было начало смерти, там же совершилось и упразднение ее.

Спасителя посадили в пещеру, находившуюся в скале Голгофы, и стерегли.

Исполнители же казни занялись приготовлением ее. Одни на самой вершине Голгофы рыли яму для водружения Креста, другие готовили сам Крест.

Св. Иоанн Дамаскин говорит, что древо жизни, насажденное Богом в раю прообразовало Крест, потому что как через древо вошла в мир смерть, так через древо должны быть дарованы нам жизнь и воскресение.

На основе этого сближения образовалась затем целая легенда такого содержания. Когда Адам тяжело заболел и почувствовал приближение смерти, он послал своего сына Сифа к вратам рая выпросить у Ангела ветвь от древа жизни. Сиф исполнил поручение своего отца, но, возвратившись, застал его уже умершим. Он похоронил его и посадил на могиле принесенную ветвь; она принялась и разрослась в огромное дерево, которое во время Соломона было срублено для постройки Иерусалимского храма, но при всех усилиях мастеров не могло быть употреблено в дело и брошено было в поток Кедрон. Там оно оставалось нетронутым до времен Христа.

Крест, на котором готовились распять Господа Иисуса Христа, был, в главных существенных частях своих, четырехконечным и состоял из прямого столба и перекладины. Он состоял из трех пород деревьев: кипариса, певга, кедр. Прообразовательное указание на это содержится в книге св. пророка Исайи: *Слава Ливана придет к тебе, кипарис и певг и вместе кедр, чтобы украсить место святилища Моего, и Я прослаблю подножие ног Моих* (Ис. 60, 13).

По этому поводу Церковь сохранила такое предание о Кресте Христовом. Во времена патриарха Авраама появился не только прообраз Креста, но само древо его. После греха Лотова праведный Авраам, дядя его, молился за него, и Господь ему открыл, что надо делать, чтобы грех был прощен. Сложив вместе три посоха из разных деревьев: кедр, певга, кипариса, он воткнул их в землю и сказал: «Поливай водой из Иордана эти сухие жезлы до тех пор, пока они не оживут, не зазеленеют — это будет знамением твоего прощения». И он послушно с верою и великим терпением ходил на Иордан, хотя это было совсем не близко.

Со временем поливаемые три посоха ожили, выросли и срослись, образовался единый большой ствол, который вверху разделялся на три ствола поменьше. Когда царь Соломон начал строить храм, дерево спилили. Строители стали его прикладывать, примерять, но никак не могли нигде пристроить: оно то удлинялось, то укорачивалось и падало, то тонким становилось, то утолщалось. Наконец бросили его, говоря: «Видно, это дерево Лотово, греховное». Долго оно лежало около купели Силоамской, даже в воде какое-то время находилось. А потом, когда решался вопрос о распятии Иисуса Христа, фарисеи и книжники предложили сделать Крест из Лотова дерева. И из этого трехсоставного древа был сделан Крест, на нем и был распят Спаситель, дабы избавить род человеческий от греха, проклятия и смерти и даровать ему Духа Святаго.

Судебный порядок римлян требовал, чтобы на распинаемого на кресте была возложена надпись. В ней обозначались имя, происхождение и состав преступления приговоренного. Надпись эту ставили на кресте поверх головы распятого.

Так было сделано и сейчас. На белой дощечке черными чернилами была написана вина Иисуса. *Бе же и написание написано над Ним писмены еллинскими и римскими и еврейскими: Сей есть Царь Иудейск* (Лк. 23, 38).

Вина, выставленная Иисусу его обвинителями, была совершенно невинной. Какую вину можно было найти в Сыне Человеческом, Который *не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его!* (1 Пет. 2, 22). Ведь даже сам язычник Пилат, как ни был глух ко внушениям истины, неоднократно пытался оправдать воплощенную Истину и других склонял к тому же. Он не мог не видеть, что первосвященники и фарисеи клеветали на Иисуса, что Подсудимый абсолютно невиновен и не заслуживает наказания. Потому Пилат и не мог ничего сказать о Спасителе, кроме того, что сказал.

Но, с другой стороны, через эту надпись Пилат, сам того не зная, провозглашал высочайшую истину, защищал славу Христа. Ведь Иисус Назарянин — был именно Мессией, Царем Израильским, Сыном Божиим. Иуда в переводе с еврейского означает — славный. Царь Иудейский — Царь славных, или Царь славы! *Кто есть Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы* (Пс. 23, 10).

Составляя надпись, римский прокуратор мстил упрямым иудеям за то, что они своим открытым противоречием оскорбили его самого. Называя Иисуса Царем Иудейским, Пилат теперь, в свою очередь, оскорблял их. Они распяли Его с разбойниками, желая обесчестить имя Его. Пилат объявляет, что Он не разбойник, но царь их. А чтобы все знали о неистовстве иудеев, Пилат возвестил о нем на всех самых распространенных языках того времени — еврейском, греческом и римском. С того времени эта надпись перед всем светом и во все времена обвиняет сынов Израилевых. Они не поверили предсказаниям своих пророков, и это будет их вечным грехом.

Искушенные в делах тьмы иудейские первосвященники, прочитав надпись, поняли тайную месть Пилата, постигли позор, которому подверглись так всенародно, перед целой Палестиной, перед всем миром.

Они пришли в смущение и вновь приступили к Пилату: *Не пиши: Царь Иудейский, но яко Сам рече: Царь есмь Иудейский* (Ин. 19, 21). Теперь надпись представляется общим мнением иудеев; а если будет прибавлено: Сам Себя назвал царем, то весь позор этого приговора и этой казни пал бы на Самого Иисуса, как на обманщика и самозванца. И это, конечно, усилило бы всеобщее негодование против Него, радуя Его врагов.

Но Пилат, уже сделавший столько уступок вопреки своим убеждениям, теперь радостно видел, что достиг, наконец, своей цели и не собирался больше уступать. «Что я написал, то написал» (Ин. 19, 22), — отвечал он первосвященникам с надменностью римлянина.

Конечно, все делалось как бы бессознательно, но в самой сущности действительно определялось, что Иисус есть Царь, и надпись на трех языках как бы удостоверяла в этом, по закону Моисееву: при двух или трех свидетелях да утвердится всякое слово.

Вообще из всего, совершающегося с Иисусом Христом, ясно видно, что самый Промысл, не нарушая воли человеческой, управляет всеми делами и приводит в исполнение свои судьбы. По-видимому, все происходит случайно, каждый действует по своей воле, но между тем запечатлеваются видения и слова пророков, и приводится в исполнение правда вечная (Дан. 2, 24). Вот свидетельствуется Иисус Христос на трех языках, что Он есть Царь Израилев, и, однако, по Писанию, вземется от земли живот Его.

Итак, Крест был готов. Господа вывели из пещеры, в которой Он находился, и Он ожидал Своей казни на том месте, где должен был вознестись Его Крест.

Осужденным на распятие, по обычаю, перед казнью должны были дать вино. Этот обычай родился из чувства человеколюбия и сострадания. Соломон, среди других своих наставлений, оставил и следующее: *Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею; пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании* (Притч. 31, 6—7).

Благочестивые из иудеев строго соблюдали это завещание Премудрого по отношению к больным и несчастным; особенно ревностно они исполняли его по отношению к осужденным на казнь преступникам. Поэтому на место казни всегда приносили вино, смешанное со смиренной и другими ароматическими веществами. Это вино не только подкрепляло на какое-то время силы, но еще и помрачало сознание. При ужасах смертной казни вино притупляло страх смерти и невыносимые страдания. Кроме вина, давали осужденным еще и уксус.

И вино, и уксус поднесли теперь Господу. Впрочем, Его ненавистники не удержались от нового глумления над Ним: уксус еще и смешали с желчью. Это тоже явилось исполнением пророчества: *И даша в снедь мою желчь, и в жажду мою напоиша мя оцта* (Пс. 68, 22). Когда Иисусу подали уксус с желчью, Он, *отведав, не хотел пить* (Мф. 27, 34). Вина же не захотел и пригубить. Он хотел с полным сознанием испить чашу скорбей и страданий за род человеческий. Ведь именно ради человека *Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни* (Ис. 53, 3). К тому же еще за день перед тем Он сказал своим ученикам: *Не имам пити от ныне от сего плода лознаго, до дне того, егда е тию с вами ново во Царствии Отца Моего* (Мф. 26, 29).

Итак, теперь оставалось только возложить Агнца Божия на древо, чтобы заклать Его. И вот Иисуса взяли, положили на Крест и распяли...

Как были растянуты руки и ноги, как были пробиты они гвоздями, как брызнула из ран кровь, испустил ли при этом Сын Человеческий стон — об этом молчит Евангелие, молчит Предание...

Исполнилось пророчество Давида: *Ископаша — пронзили — руже Мои и нозе Мои* (Пс. 21, 17).

Теперь надо было поднять Крест. Какие боли должен был испытывать при этом Спаситель — невозможно даже представить.

Никогда, никакая человеческая жестокость *не изобретала казни более ужасной, более позорной*, чем распятие на кресте. Ей подвергали только самых отъявленных разбойников и бунтовщиков, да рабов, которых за людей не считали. Даже один из язычников говорил, что это — «казнь самая жестокая и самая ужасная, от которой надлежало бы освободить и глаз, и ухо, и самую мысль человеческую» (Цицерон).

Агнец Божий был вознесен теперь с Крестом и на Кресте. Настала минута торжественного молчания. Посреди земли было водружено новое древо жизни, древо нашего спасения. Язвы Господа изливали на землю четыре струи Крови, как священные реки, орошающие землю и делающие ее раем Нового Адама. Весь мир поражен был новым невиданным зрелищем: Господь возносился на Крест ради нашего спасения. Даже ад с ужасом почувствовал удар крестного древа, вонзившегося в скалу Голгофы, и с яростью начал изрыгать новые хулы против Богочеловека.

Вокруг Креста собралось множество народа. Всех их останавливало скорбное зрелище: *все проходящие путем, взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как Моя болезнь?..* (Плач 1, 12). Тут же находились первосвященники, книжники и фарисеи. Отказ Пилата изменить надпись на титуле только усугубил их злобу, и они с новой яростью начали издеваться над Спасителем.

Над Ним издевалась толпа, которая не знала от Него ничего, кроме бесчисленных благодеяний, издевались римские воины, совершающие эту беспримерную казнь. — *Ты бо веси поношение мое, и стыд мой, и срамоту мою; пред Тобою вси оскорбляющи мя...* (Пс. 68, 20).

Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: *Разоряяй церковь, и трети денми созидаай!* Если Ты действительно такой великий Чудотворец, *спасися Сам; аще Сын еси Божий, сними теперь со креста* (Мф. 27, 39—40).

Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: *Иныя спасе, Себе ли не может спасти; аще Царь Израилев есть,*

да снидет ныне со креста, и веруем в Него. Упова на Бога, да избавит ныне Его, аще хочет Ему. Рече бо, яко Божий есмь Сын (Мф. 27, 41—43).

Сниди со креста напоминало то сатанинское предложение, еще в начале служения Иисуса Христа: *аще Сын еси Божий, верзися низу!* (Мф. 4, 6). И теперь устами иудеев говорил тот же адский искуситель, предлагая Спасителю употребить Свою всемогущую силу для избавления Себя от нестерпимых крестных мук. Тогда разрушилось бы дело всеобщего спасения крестом. Но Он был истинный Сын Божий, и потому-то именно не сошел с креста.

Увлекаясь злобой и ненавистью, иудеи начали хулить уже не только своего Мессию, Царя и Господа, но и Самого Бога Отца.

Даже припоминая пророчества о Мессии, фарисеи с насмешкой прилагают их теперь к страждущему Господу и тем поразительно исполняют эти пророчества: *уповал на Бога*, — повторяют они хулу, которую в псалме у Давида произносят нечестивые в оскорблении Мессии: *Вси видящии мя поругаша ми ся, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Господа, да избавит его, да спасет его, яко хочет его* (Пс. 21, 8).

А на Голгофской площади, под самыми стопами Спасителя, совершалась тайна исполнения еще одного ветхозаветного пророчества: *Разделиши ризы Моя себе и о иматисме, одежде, Моей меташа жребий* (Ис. 21, 19).

Как именно разделены были эти ризы — лоскутами или цельными частями — неизвестно. Но хитон, нижняя одежда, был не шитым, а тканым и поэтому, разорванный на части, уже ни к чему бы не годился. Потому-то воины пожалели рвать его на части и бросили о нем жребий.

Слова, сказанные о хитоне, *весь тканый сверху* имеют и таинственное значение. Тело Господне соткано свыше, ибо Дух Святой пришел, и сила Всевышнего осенила Деву (Лк. 1, 35).

По преданию, хитон — риза Господа нашего Иисуса Христа достался одному воину Елиозу, родом из Грузии города Мцхета. Когда Елиоз собрался идти в Иерусалим, мать его из рода первосвященника Илия, сказала ему: «Ступай, сын мой, по царскому зову, но умоляю тебя: не будь заодно с нечестивыми против Того, Кого они вознамерились умертвить; Он Тот, Кого предвозвестили пророки». Елиоз присутствовал при распятии Христа. Мать же его оставалась в Мцхете. Накануне пасхи она внезапно почувствовала вдруг в своем сердце как бы удары молотка, вбивающего гвозди, и громко воскликнула: «Погибло ныне царство Израиля, потому что предали смерти Спасителя и Избавителя его». Сказав это, она умерла.

Елиоз же приобрел хитон Христа от римского воина, которому тот достался по жребию, и принес его в Мцхет. Сестра Елиоза Сидония рассказала ему о чудной и внезапной смерти матери и предсмертных словах ее. Когда же Елиоз показал сестре хитон Господень и обо всем рассказал, Сидония, пораженная известием о смерти Христа Бога, в Которого уверовала еще раньше, и о том, что брат ее был участником в пролитии неповинной крови Иисуса вместе со врагами Его, приняв его в свои объятия, стала целовать со слезами, потом прижала хитон к груди своей и тотчас скончалась. И никакая сила человеческая не могла исторгнуть из рук умершей эту священную одежду.

Весь Мцхет поражен был этим необыкновенным явлением, удивлены были и сам царь Адеркий, и все его вельможи. Адеркий пожелал видеть умершую Сидонию и неотделявшийся от тела ее Божественный хитон. Удивленный и объятый страхом и ужасом царь хотел было взять его из рук умершей, но после тщетных усилий он вынужден был оставить свое намерение. После этого Елиоз похоронил свою сестру, а вместе с нею и хитон Господень, у кедр, росшего посреди царского сада. В предании о святом хитоне, по записке Иудейского первосвященника Авиафары, говорится, что кедр с того времени вырос сам собою. В этом виде это предание жило всегда в грузинском народе.

По прошествии многих лет одна грузинка, жившая в Святой Земле, рассказала о нем своей приемной дочери Нине. «Теперь, — говорила она со скорбью, — в стране нашей, где святой хитон, тьма языческая». Нина, 14-летняя девушка, возгоревшись святой ревностью, одна пошла в далекую Грузию, чтобы найти хитон. Своей проповедью она целый народ привела к краю Христовой ризы и создала Грузинскую Церковь. По принятии грузинским народом в 314 году христианской веры царь Мириан искал то место, где скрыт был хитон Господень. Место это было указано свыше святой Нине: она не раз видела огненный столб

над величественным кедром, стоявшим посреди сада. Кедр был срублен, и под ним в земле обретаена была риза Господня в руках умершей девицы. На сем месте царь соорудил великолепный храм во имя 12-ти Апостолов и хранил в нем с благоговением хитон Господа.

Из кедра св. Нина устроила четыре креста: один из них она водрузила на горе против Мцхета за рекой Арагвой, где ныне находится храм во имя Животворящего Креста; другой водрузила на горе Тцхоти — месте ослепления и чудного прозрения Мириана; третий — в кахетинском городе Бодбе и четвертый — в Уджарме. От сих Животворящих крестов и кедрового корня, от которого истекло миро, совершались многие чудеса, еще более утвердившие народ в вере.

В XVII веке персидский шах Аббас, покоривший Грузию, вместе с другими драгоценностями взял и ризу Господню. Ища дружбы с царем Михаилом Феодоровичем, шах прислал ему и патриарху Филарету в дар с другими предметами и ризу Господню в марте месяце 1625 года. Две части ее находились в С.-Петербурге, остальная часть хранилась в Московском Успенском соборе.

Хорошо бы врагам Господним было вспомнить слово Его, сказанное через пророка: *Людие Мои, что сотворил вам? (Мих. 6, 3). Кое обретоша во Мне презрешие? (Иер. 2, 5).* Но жалобного гласа Его в пророческом Писании они знать не хотели, ибо Господь сокрыл пред ними лице Свое. И кто мог уразуметь Господа славы, когда вид Его безчестен, умален? — *яко отвратися лице Его, безчестно бысть, и не вменися; зане предана бысть на смерть душа Его (Ис. 53, 3, 12).*

О чем думал наш Спаситель тогда? Даже пригвожденный ко Кресту, Он молился к Отцу Небесному со слезами: *Яко обыдоша мя пси мнози, сонм лукавых одержаша мя, ископаша руце мои и нозе мои. Исчетоша вся кости моя, тии же смотриша и презреша мя. Разделиша ризы моя себе, и о одежде моей меташа жребий (Пс. 21, 17—19).*

Господь ясно сознавал всю ту злобу и ненависть, которую мир, в своем ослеплении, изливал на своего Спасителя. Но что Он просил у Отца Небесного для оскорбляющих Его людей? Расплаты? Возмездия? Хотя бы правосудия?.. *Отче! отпусти им, не ведят бо что творят (Лк. 23, 34).*

Итак, Он просил милости для убивавших Его безумцев; Он просил прощения для издевающихся над Ним. И это было первое слово нашего Искупителя, сказанное Им на Кресте. Первое Его предсмертное завещание каждому Его последователю, каждому страдальцу и всему миру...

Христос был распят и вознесен на крест около 9 часов дня по нашему исчислению. По еврейскому времени той эпохи шел 3-й час, так как время дня евреи считали от восхода солнца.

Тогда, после распятия Иисуса Христа, распяша с Ним два разбойника: одного по правую сторону, другого по левую (Мф. 27, 38), чтобы Святой святых и на кресте представлялся как бы преступнейшим из злодеев, хуже разбойника Вараввы, и Господь все терпел.

Как и вся беснующаяся толпа, разбойники, распятые с Ним, поносили Его (Мф. 27, 44). Особенно неистовствовал один из них — распятый ошуюю. Издеваясь над Христом, он говорил: *Аще Ты еси Христос, спаси Себе и наю (Лк. 23, 39).*

И вот среди всеобщего неверия в Иисуса Христа сила Божия воздвигла одного проповедника о Его невиновности и Божественном величии, и то откуда всего менее можно было ожидать его — со стороны разбойника, распятого одесную.

Будучи распятым, потеряв почти все свои силы, этот разбойник не мог, конечно, произносить громких публичных речей, не мог унимать толпу. Но он мог унять хотя бы своего нечестивого товарища. Так он и сделал, сказав: *Ни ли ты не боишия Бога, яко в томже осужден еси? и мы убо в правду, достойная бо по делом наю восприемлева, Сей же ни единого зла сотвори (Лк. 23, 40—41).* Этими словами благоразумный разбойник исповедал свою веру в Иисуса Христа как в Праведника, страдающего безвинно.

Сердце его озарилось светом Божией истины, и он сказал Иисусу: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое (Лк. 23, 42).* Именно в этих словах разбойник исповедал свою веру в Господа Иисуса Христа как в Бога, как в Хозяина Царства

Небесного. В сущности, именно с этого мгновения он уже перестал быть разбойником и стал кающимся христианином... «Мал глас испусти разбойник на кресте, — воспевают наша Святая Церковь, — но велию веру обрете, во едином мгновении спасеся, и первый райская врата отверз, вниде» (антифон в Великий Пяток утра).

Церковь назвала этого разбойника «благоразумным». В православном предании имя разбойника Рах, в католическом — Димас. В нашей Церкви существует древнее предание, что на пути в Египет, во время бегства Святого Семейства, на него напали разбойники, чтобы ограбить. Но один из них, увидев удивительную красоту Младенца Иисуса, изумился и сказал: «Если бы Сам Бог принял на Себя образ человеческий, Он не мог бы явиться прекраснее этого Младенца!» После этого он запретил своим товарищам хоть как-то оскорбить путников. Тогда Пречистая Мать ответила разбойнику: «Знай, что этот Младенец за то, что ты сегодня сохранил Его, заплатит тебе великой наградой!» Впоследствии он-то и оказался благоразумным разбойником.

Разбойник, никогда не быв среди учеников Спасителя, в эти минуты как будто становился его учеником, исповедуя одну из главных Христовых истин: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1). Обращаясь ко Господу, он просил у Него не избавления от казни и страданий (так как знал, что страдает справедливо!) — он просил у Христа, чтобы Господь помянул его в Небесном Царствии, в будущей жизни и дал ему хотя бы последнее место среди Своих избранных. Он просил — и веровал, веровал — и надеялся, что получит просимое. Это было началом великого искупления человечества, освобождаемого из рук человекоубийцы. Искупитель людей с любовью смотрел на первый плод Своей великой Жертвы. Молитва кающегося разбойника была услышана. *И рече ему Иисус: аминь глаголю тебе, днес со Мною будещи в раи* (Лк. 23, 43). Как человек, Господь был на кресте, а как Бог — везде, и в раю.

По мнению св. отцов, два разбойника были образами двух народов — иудейского и языческого. Оба эти народы были беззаконны: языческий — как преступивший естественный закон, иудейский — как преступивший и этот закон, и писанный, который дал ему Бог. Но языческий народ оказался благоразумным разбойником, напротив, иудейский — хулителем до конца. Посреди этих двух народов распинается Господь, поскольку Он есть камень, соединяющий нас в Себе.

У подножия Креста стояла Мать Божия.

Как мечом пронзено было печалью Ее сердце: предсказание святого старца Симеона исполнялось — *И Тебе же Самой душу пройдет оружие* (Лк. 2, 35). Она претерпела тогда более всех мучеников, страдала сердцем более всех людей, ибо всех сильнее любила Она Господа Своего.

Как пишут отцы Церкви, поистине Она не вынесла бы этой скорби, если бы Ее не поддерживала та десница, которая была простерта над Нею на кресте!

«Она ведала, что на кресте совершается искупление рода человеческого; Она ведала, что Сын Ее, Сын Божий благоволил принести Себя в примирительную жертву за отверженное человечество; Она ведала, что Господь, совершив искупление человека, воскреснет и совоскресит с Собою человечество; Она ведала это — и безмолвствовала. Безмолвствовала Она перед величием событий; безмолвствовала от преизобилия скорби; безмолвствовала пред совершавшеюся волею Божией, против определений которой нет голоса» (свт. Игнатий Брянчанинов).

И тогда, как поется в каноне дивного Симеона Логофета, уже бездыханный, уже оставивший землю живых Сын Ее таинственно проговорил в сердце: «О, как утаилась от Тебя бездна щедрот Моих! Для спасения твари Моей принял Я вольную смерть!... Но Я воскресну и Тебя возвеличу, как Бог неба и земли!» — Так утешил Ее Сын.

Стоял при кресте возлюбленный ученик Господа. «Он смотрел на высоту креста, — в неподвижной любви добровольной Жертвы созерцал Любовь Божественную. Божественная Любовь есть источник Богословия. Она — дар Святаго Духа, и Богословие — дар Святаго Духа. Она открыла апостолам таинственное значение искупления. *Любы*

Божия обдержит нас, — богословствует ученик и посланник Христов, — суждших сие: яко аще един за всех умре, то убо вси умроша (2 Кор. 5, 14). По бесконечной любви, которую Господь имеет к человечеству и которую способен иметь один Господь, на кресте пострадало в лице Господа и умерло в лице Господа все человечество. Если же человечество пострадало в Нем, то и оправдалось в Нем; если умерло в Нем, то и оживотворилось в Нем. Смерть Господа соделалась источником жизни» (свт. Игнатий Брянчанинов).

Указывая на ученика, стоящего при кресте, Иисус говорит Матери Своей: *Жено, се сын Твой*; потом говорит возлюбленному ученику: *Се Мати твоя* (Ин. 19, 26—27).

Уничтожая на древе крестном грех праотцев, совершенный ими при древе райском, рождая человечество в новую жизнь животворной смертью, Господь вступает в права Родонаачальника человеческого и объявляет Свою по человечеству Матерь матерью ученика и всех учеников Своих, христианского племени. Ветхий Адам заменяется Новым Адамом, падшая Ева — непорочной Марией. *Если преступлением одного, — сказал апостол, — подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих* (Рим. 5, 15). При посредстве Господа нашего Иисуса Христа излиты на род человеческий благодетия бесчисленные и неизреченные: совершенно не только искупление человеков, совершенно усыновление их Богу.

Пророки Божии уже давно предсказывали, что некогда на земле будет день, в разгар которого начнется мрак и холод; что мрак этот продлится до вечера, а к вечеру снова появится свет и наступит день; что день этот будет единственным из всех дней в истории и не будет походить ни на какой другой, потому что это поистине будет день Господень, день, знаемый Господом. *И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня, — сказано у пророка Амоса (Ам. 8, 9). И будет в тот день: не станет света, светила удалятся. День этот будет единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь; лишь в вечернее время явится свет. И будет в тот день: произойдет между ними великое смятение от Господа...* — так говорил об этом единственном дне пророк Захария (Зах. 14; 6—7, 13).

И вот некогда предсказанное наступило...

Тьма сошла на землю ровно в полдень. Даже при обычном полном затмении солнца люди ощущают тревогу и страх; но это небесное затмение было истинным и грозным знаменем Божиим. Ведь сейчас совершалось беспрецедентное в жизни мира и человечества событие: через страдание на Кресте Сына Божия и Бога происходило воссоздание мира и возрождение человека.

Солнце померкло. Всеобщий ужас объял не только людей, но и животных, словом — всю тварь. Затмение продолжалось целых три часа — от шестого часа до часа девятого (Мф. 27, 44), — чего по обычным астрономическим законам просто не может быть. Каждая душа ясно чувствовала, что это небесное знамение находится в тесной связи с тем, что происходит на Голгофе.

Человек создан был в шестой день, а вкусил от древа в шестой час (ибо это час еды). Господь, воссоздавая человека и врачую его падение, пригвождается к древу в шестой день и в третий (по-нашему в девятый) час. На Голгофе и вокруг нее царствовала тишина. Среди этой глубокой тишины наступала для Господа минута особенных, лютых и невыразимых страданий.

Уже давно, окруженный толпой врагов, Сын Божий терпел издевательства, ни от кого не получая утешения и помощи. И все же чаша страданий еще не была испита Господом до конца.

Оставленный и поруганный людьми, Спаситель теперь должен был пережить страшные минуты богооставленности. Конечно, как Бог Он всегда был Сущим в лоне Отчем, но как Человек Он должен был испытать теперь всю тяжесть Креста. Добровольно взяв на себя груз всех грехов человеческих, Спаситель должен был теперь выстрадать у

Отца прощение за все незаконное человечество. Но если бы в эти минуты Богочеловеку помогал Его Отец, то Его страдания не были бы вполне и всецело искупительными для людских грехов. В самую таинственную и страшную минуту искупления Христос должен был остаться как Человек один на один с правосудием Божиим...

На Иисуса Христа были возложены грехи всего мира; законная клятва, предписанная всему роду человеческому за грех; величие гнева Божия и чувство козней ада.

Христос претерпел за нас великие скорби и мучения. Сии же мучения вкусил Спаситель в Гефсиманском саду, когда Он, как Бог, молился Богу Отцу: *Господи! да минует чаша сия; чаша, исполненная гнева, кипящая наказаниями и мучениями, готовая излиться на весь мир, но которую должен был испить до самого дна Единородный Сын Божий.*

Среди безутешной скорби Псалмопевец Давид взывал когда-то к Богу такими словами: *Услыши, Боже, моление мое, вонми молитве моей. От конец земли к Тебе воззвах, вегда уны сердце мое, на камень вознесл мя еси, наставил мя еси. Яко был еси упование мое, столп крепости от лица вражия* (Пс. 60, 2—4).

Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: *Или, Или! лима савахфани? еже есть: Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставил?* (Мф. 27, 46).

Отец ради спасения самого падшего человека оставил Своего Божественного Сына во тьме богооставленности, вселенского страдания и греха. Словами, сказанными перед этим: *не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22, 42), Христос показывает, что сие оставление и вольное страдание предопределено от вечности по изволению Бога Отца и Его самого. Оставление сие есть поистине неповторимое и беспримерное. Христос, Единородный Сын Божий, Святой, чистый, непорочный, невинный оставлен Отцом не так, как Сын, но как приявший на себя грехи, а потому и гнев Правосудия.

Правосудие не взирает на лицо, всегда требуя себе удовлетворения.

Но в этих словах Христа Богооставленного нет отчаяния, в них вера в Отца, дарующего поддержку и жизнь. Теперь Он принял все страдания! Они соединили людей с Отцом. На кресте повешенный Христос являет Себя Ходатаем между Отцом и людьми и Первосвященником, приносящим в жертву Богу Отцу самого Себя за очищение всего мира.

Но сказанное Спасителем не было понято окружающими людьми, которые, в подавляющем своем большинстве, оставались глухи к страданиям Божественного Крестоносца. *Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. ...А другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его* (Мф. 27, 47—49).

Только циничное равнодушие да праздное любопытство окружали Господа в минуту сильнейших Его страданий...

Муки страданий Христовых были тем болезненнее, что Он страдал всей Своей человеческой природой — и телом, и духом. А у распятых достаточно и одних телесных страданий, чтобы сравнить их муки с муками адскими.

Распятой человек, как это очевидно для каждого, находится в самом противоестественном положении тела: он растянут и прибит гвоздями по рукам и ногам, то есть в местах, наделенных особой чувствительностью. Он не имеет никакой возможности хоть немного облегчить свои страдания. Ему нельзя приподняться или опуститься, нельзя повернуться без сильной боли: железо гвоздей все больше разрывает глубокие раны.

Если бы он захотел прислониться спиной к кресту, раны от бичевания на спине раскрылись бы снова; если бы захотел для уменьшения боли немного наклониться вперед — то всей тяжестью своего тела он повисал на гвоздях, причиняя себе все новые страдания... Распятому оставалось только страдать и терпеть, ожидая смерти как избавления. Но она наступала не сразу. Некоторые из распятых жили в таком мучительном положении три, шесть, а иногда даже девять дней.

Кровь, стесняемая в конечностях, то стремилась к голове, давя на мозг и вызывая головокружение, то сосредоточивалась в сосудах сердца и стесняла его так, что каждый вдох сопровождался судорожным напряжением и глубочайшей тоской, которая была мучительнее всякой боли.

От неестественного притока крови все внутренности распятого были палимы огнем. Язык и гортань делались сухими как пергамент. Появлялась смертельная жажда, которая усиливалась с каждым часом. Глоток холодной воды, поднесенный распятому, был для него истинным благодеянием. Зная об этом, исполнители крестной казни заготавливали для распинаемых питье различного рода. Эти люди никогда не отличались излишней чувствительностью, но даже они не могли спокойно смотреть на страдания распятых.

Искупитель рода человеческого страдал вдвойне — и телом, и душой. Огонь болезней палил Его тело; огонь невыразимой скорби сжигал Его душу. Земная жизнь быстро — минута за минутой — приближалась к смерти. Ангелов Радость и Утеха человеков, Он теперь представлял Собой одну сплошную рану, был осрамлен, обесчещен и унижен как самый последний из всех сынов человеческих (Ис. 52, 14).

Наконец, к этим скорбям и болезням, к этому позору и мучению прибавилось новое страдание — жажда. Вкусив последний раз от плода лозного вместе со Своими учениками на Тайной Вечере в Сионской горнице, Спаситель с тех пор нигде не подкрепился ни сном, ни пищей, ни питьем; а между тем Он постоянно находился в кровавом подвиге искупления. Но сколько с того времени перенесено мучений! Сколько истощено сил! Сколько пролито Крови! Как же должна была усилиться жажда!

Изше яко скудель крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему, и в персть смерти свел мя еси (Пс. 21, 16), — пророчествовал пророк Давид о страданиях Сына Божия.

Спаситель дошел до крайней и последней степени изнеможения. Тоска Его была теперь мучительнее, чем в саду Гефсиманском; а ведь и там Его душа была прискорбна даже до смерти...

До этой минуты, как бы тяжело ни страдал Господь, однако ни от кого не требовал никакой помощи. Подвергаясь позорным мучениям, Он переносил все с кротостью и незлобием Агнца. Мало того: Он молился Отцу Небесному об отпущении грехов Своим врагам; утешил раскаявшегося разбойника и пообещал ему рай; успокоил Свою скорбную Матерь и дал надежду ученикам. Но вот теперь, когда мука и тоска достигли своей крайней степени, когда светильник жизни уже начинал угасать и Христос готовился положить Свою душу за людей всего мира, — в первый и последний раз Он со Своего Креста потребовал от человека (и всего человечества) одной-единственной милости и помощи. «Жажду!» — воскликнул Он.

Обстоятельства, при которых Христос произнес это слово, торжественность минуты, ясно показываяют, что речь шла, конечно, не только и не столько о телесной жажде. В эти последние мгновения Своей страдальческой жизни, наш Искупитель жаждал только того, чего Он жаждал всегда, ради чего Он, будучи Богом, пришел в мир, сделавшись человеком, ради чего принял на себя страшный груз унижения и бесчестия. — Спаситель жаждал нашего спасения. Он жаждал дотить ту искупительную чашу страданий, о которой молился в саду Гефсиманском; Он жаждал возвести падшего человека от земли на Небо; жаждал исполнить волю Своего Отца Небесного, по Своему слову: *Мое брашно есть да сотворю волю Пославшаго Мя, и совершу дело Его* (Ин. 4, 34). Наконец, Он жаждал, чтобы над Ним исполнилось все то, что было предсказано в Законе и Пророках. И поэтому *Иисус, зная, яко вся уже совершишася, да сбудется Писание, глагола: жажду* (Ин. 19, 28).

Как только Господь произнес это слово, один из воинов, стерегущих Его, взял губку, напитал ее укусом, который стоял рядом в сосуде, наложил губку на трость из иссопа и поднес ее к запекшимся устам Спасителя. Совершилось то, что было предсказано

Псалмопевцем за сотни лет до пришествия в мир Сына Божия: *и даша в снесь мою желчь, и в жажду мою напоиша мя оцта* (Пс. 68, 22).

Друзья и близкие Господа в молчаливой скорби смотрели на Него. Остальная толпа не прекращала своего глумления. Были ли в этой многолюдной толпе, кроме самых близких ко Христу людей, те, чьи сердца трепетали бы от любви и сострадания к Спасителю? Эта тайна известна лишь одному Всеведущему Богу.

Приближался час, подобно которому не было и уже никогда не будет во всей истории человечества; час, которого весь мир страшился и которого весь мир жаждал.

Этот великий час был определен еще в предвечном совете Пресвятой Троицы, он был указан человеку еще в раю. С тех пор и стал этот час для всего человеческого рода предметом самых отрадных и самых томительных надежд. Этот святой час желали видеть многие пророки и праведники; *желали видеть и не видели, и слышать и не слышали* (Мф. 13, 17). Святые тщательно исследовали Писание, чтобы почувствовать определеннее приближение этого часа, часа, который должен был стать окончанием ветхозаветной жертвы и началом жертвы Нового Завета, когда *Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится ... оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно* (Дан. 2, 44).

Этот час воспевали в песнях, живописали в бесчисленных образах, славили на тимпане и гуслях. От Адама до Моисея, от Моисея до Малахии Дух Божий устами патриархов и пророков, их праведной жизнью множество раз указывал на приближение этого часа. Потому что все ветхозаветное домостроительство человеческого спасения имело одну-единственную цель — раскрыть перед прозорливым оком Божиим избранников дух той Тайны, которая должна была совершиться в этот страшный и торжественный час. Итак, все ветхозаветное домостроительство *есть тень будущего, а тело — во Христе* (Кол. 2, 17).

И поэтому ветхозаветный мир, чая Утехи Израилевой, с нетерпением ожидал этого часа. Вся вселенная, от Ангелов до бессловесной твари, объята была чувством ожидания, потому что решалась судьба не только человечества, но и целого мира. И даже ад, до сих пор торжествующий, должен был застонать от досады, против воли отпуская из своих бездн души праведников.

И вот этот ожидаемый всем миром час наступил. Еще несколько мгновений — и раскроется самая великая во всем мироздании Тайна...

Между тем страшное знамение на Голгофе и во всем мире все еще продолжалось. Вселенная томилась трепетным ожиданием — как решится ее участь. Оставалось одно — допить чашу, поднесенную Искупителю Его Небесным Отцом. Бессмертному необходимо было вкусить смерть, чтобы уничтожить рукописание грехов всего мира; чтобы окаменелое сердце народов сокрушилось и растаяло; чтобы ожили надежды падшего человечества. Чтобы наступило лето Господне благоприятно...

Крестная казнь продолжалась уже около шести часов. Последние капли крови Спасителя падали на землю. Дело искупления было закончено и медлить в этом мире больше не было нужды. Наступил Час Господень...

И вот, после знаменательного: *Совершишася!* (Ин. 19, 30) — *Иисус, возгласив гласом велиим, рече: Отче! в руце Твои предаю дух Мой. И, сия рек, испустил дух* (Лк. 23, 46). — Исполнив послушание, Сын Божий, послушный воле Отца Своего даже до смерти крестной, в знамение Своего послушания преклоняет главу и предает дух Свой Богу Отцу. Об этом-то Он и говорил: *Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее... но аз полагаю о Себе* (Ин. 10, 18). Для того Он и возопил, чтобы показать, что это совершается по Его воле.

Жертвоприношение, как правило, тогда было благословляемо Богом, когда огонь небесный снисходил на жертвенники, а огонь жертвенный восходил даже до небес. И здесь Жертва, закланная за грехи всего мира, пожжена снисшедшим огнем Правосудия, а

страждущий дух, как огонь жертвенный, по окончании жертвоприношения Своего, восходит на небеса: *В руце Твои предаю дух Мой*.

Когда дух оставляет тело, то такое тело называют мертвым. Христос дух Свой предал Отцу — следовательно, уже умер. *Распяли Господа славы* (1 Кор. 2, 8), *Начальника жизни убили* (Деян. 3, 15).

Начальник жизни убит, Бессмертный умер, самая Жизнь жить перестала. Насколько истинно то, что *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14), настолько же справедливо и то, что Христос умер. Ибо чья была плоть, Того страдания и смерть. Искупление за оскорбление Беспредельного не могло быть совершено терпением и смертью человека; Беспредельного Бога примирить с человеком мог только Богочеловек; сей Богочеловек должен был умереть и умер за нас. Шесть часов Спаситель висел на кресте.

Тело Христово, обремененное столькими мучениями, исполненное ран, повешенное на древе крестном, было действительно оставлено душой. Исаия описал истинную смерть Иисусову такими словами: *вземлется от земли живот Его* (Ис. 53, 8).

Он вкусил смерть добровольно, не по принуждению; не как раб, но как Владыка смерти; Его заставило умереть собственное благоизволение. Иудеи только средства к смерти предуготовили; ибо могущество Иисуса, — если бы не Сам Он добровольно принял смерть, — рассеяло бы в самом начале все иудейские козни, все эти толпы суетного народа одним мановением.

Вопль Спасителя был такой силы, что пронзил и небо, и землю, и преисподнюю. Вся вселенная услышала и узнала своего Владыку и Господа.

В момент Его смерти разорвалась пополам завеса в Иерусалимском храме и обнажила Святое Святых.

Еще единою Аз потрясу небом и землю, морем и сушею (Мал. 3, 1), — сказал Господь через Своего пророка. И вот потряслась земля и распались камни, трещина прошла по Голгофской горе. И поныне сохранилась на Голгофе трещина, идущая не вдоль, а поперек каменных слоев, что не могло произойти естественным образом. Об этом Давид пророк вещал от лица Христова: *Предвариша мя сети смертныя, и подвижеся, и трепетна бысть земля, и основания гор смятошася и подвигошася* (Пс. 17, 6, 8).

«И камни расседаются, — говорит свт. Иоанн Златоуст, — и земля трясется, чтобы познали, что Он мог и их (иудеев) ослепить и расторгнуть. Тот, Кто расторгнул камни и омрачил вселенную, не тем ли более мог сделать это над ними, если бы захотел? Но Он не восхотел этого; излив Свой гнев на стихии, Он желал спасти их кротостью». — *Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь* (3 Цар. 19, 11—12).

Волнение достигло высшей степени, когда во многих местах вокруг Иерусалима отверзлись гробы и из них вышли давно похороненные мертвецы. Весь народ был поражен страхом. Мир онемел от ужаса...

В великой Александрии Египетской эллинский ученый-мудрец Дионисий Ареопагит, наблюдая страшную трехчасовую тьму посреди дня, воскликнул: «Или конец мира, или Сын Божий умирает!» В это время умирал Божий Сын!

На Голгофе змий-сатана ужалил Христа в пяту, в человеческую природу Его, умертвив ее. Это на Кресте гвозди, как жало змиево, вонзились в Его тело. А когда иссохшие Его уста были смочены губкой, наполненной уксусом, то испил Он всю чашу яда змеиного. И тем сокрушил главу змий-сатаны, сломал жало смерти, которым является грех (Кор. 15, 56). Испил и умер. Так испил Он чашу, так искупил Он грех, так, быв укушен змием, исцелил укушенных им.

Смерть Христова попрала всякую смерть.

На Голгофе воцарилась Высшая Правда! Внешне попрана была всякая правда и справедливость. Виновные распяли Невинного и через то не земную, не юридическую, а

высшую Божественную Правду воцарили — Правду, Которая оправдает неправедных и грешников! В тот день в крови, во тьме, в заплеваниях, насмешках и побоях рождалось Царство Христово.

Следы Голгофы ведут на самое небо. Туда унес вознесшийся Иисус язвы на Своем теле, они теперь там вечное напоминание о страдании Сына Человеческого. Когда Возносящийся на небо приблизился к пределам небесным, лик сопровождавших Его Ангельских сил, предупреждая Горние силы, восклицал: *«Возмите врата князи ваша, поднимите верхи врат небесных, пусть они как можно шире растворяются, ибо входит Царь славы»* (Пс. 23, 7). *«Кто есть Сей Царь славы?»* — вопрошал на это лик Ангелов на небесах. — *Кто Сей, восходящий от земли с такой славой и величием?»*

Это чрезвычайное и беспрецедентное восшествие изумило мир небесный. Он видел два восшествия на небо — Еноха и Илии, но те восхождения совершались не собственной силою, не с таким величием и не на такую высоту: они были взяты «яко на небо», а не на само небо. Потому-то необычайное шествие Господа, возносившегося с плотью, вызвало среди встречавших Его такое недоумение. Но сопровождавшие Господа Ангелы пояснили, что Входящий во образе Человека есть не кто иной, как Единородный Сын Божий. *Господь сил, Той есть Царь славы* (Пс. 23, 10), — восклицали они.

Однако и после того недоумение Небесных сил не прекращалось. Господь, как по Воскресении являлся апостолам с язвами от ран на Кресте, так и на небо вознесся с теми же знаками Своих крестных страданий, со следами Своей Пречистой Крови на Божественном теле. Такой вид Его поразил Небесные силы новым недоумением, и они вопрошали: *«Кто Сей пришедший от Едома? Отчего червлены ризы Его?»* Отвечал лик Ангелов, сопровождавших Господа: *«Это Истоптавший точило ярости Божией и обagrивший ризы Свои. Это Пролитый Кровь Свою за человеческий род, оттого червлены ризы Его»* (Ис. 63, 1—3).

Когда Сын Божий на кресте испустил Дух Свой, тогда Он духом Своим сошел во ад.

Смерть Иисуса подобна нашей смерти. Разлучение тела от души было не только по сути, но и по месту. Тело лежало во гробе, а душой Он находился и «в раю с разбойником, и во аде, яко Бог» (из Часов Св. Пасхи).

Сошествие во ад Спасителя было действием самым славным для воскресшего Господа, потому что в нем яснее всего обнаружилась и безграничная любовь Его к бедному человечеству, и высочайшее могущество Его над врагом рода человеческого. Он сошел духом Своим не в виде страдальца, ибо крестом закончился ряд страданий, а в виде Победителя смерти и ада, «да исполнит Собою, — по выражению Церкви, — всяческая». Небо было исполнено Его Божественной славой, земля уже полна Его страданиями; надо было, чтобы и ад наполнился Его силой.

Христос духом, т. е. душой, соединенной с Божеством, и находящимся в темнице духам, сойдя проповедал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега (1 Пет. 3, 19—20).

Христос не по Божественному, но по человеческому естеству, с которым лично было соединено и Божественное, сошел в то место, где находятся осужденные, — в обителище духов, грехом отчужденных от Божия лицемерия и соединенного с Ним света и блаженства. В сей-то темнице сущим духовом Господь сошел проповедал. Он хотел показать на деле, что Он есть Свет воистину всего мира, Свет даже для сущих в самых преисподних темницах адовых.

Проповедание есть уже действие славное и торжественное; следовательно, и сошествие во ад есть степень прославления и торжества.

Проповедал не столько словами, сколько действиями, знаменами, торжеством, проповедал окончание посольства Своего для ниспровержения власти темной и для обличения неверовавших.

Христос по человечеству с духовной Своей мощью и силой сошел во ад, где, показывая Себя живым, объявляя победу Свою, произнес как бы суд, устрашающий души,

или духов, в одной темнице находящихся, и наипаче над теми, которые некогда, во времена Ноевы, и при строжайших от Бога угрозах не хотели верить предстоящему всеобщему потопу — и потому поглощенными водой.

Особенно желали услышать проповедь искупителя души праведников. Хотя души праведных не терпели в аду той бедственной участи, какой подвергались души людей грешных, однако же и праведники не имели сил вырваться из страшной темницы и вознестись в светлое небо, к Престолу Божию: врата небесные для них были еще заключены.

Святая Церковь поет: «Во гробе плотски, во аде с душею яко Бог, в раи же с разбойником, и на Престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом» (из Часов Св. Пасхи). Телом во гробе, в аде с душею яко Бог торжествующий, и в раю с разбойником, молившим Его, на Кресте висящего: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое* (Лк. 23, 42); на Престоле присутствовал Божеством всеисполняющим, с Богом Отцом и с Богом Духом.

К восприятию проповеди Христа души умерших были подготовляемы проповедью умерших людей, которые, живя на земле, веровали в будущее пришествие Искупителя или даже уже видели это пришествие. В тропаре Иоанну Предтече, например, Церковь исповедует, что он «благовествовал и сущим во аде Бога, явльшегося плотию, вземлющего грех мира и подающего нам велию милость».

Разрушитель ада возводит с Собою в светлые обители Отца Небесного все души, сошедшие с верою и ожиданием предсказанного пророками Его будущего пришествия, и души уверовавшие в самом аде Его проповеди. Тогда-то во всей силе прозвучало изречение Спасителя: *Не придох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13).

Каким же образом произведено самое изведение душ из ада? Без спора и брани князь тьмы уступил свою вековую добычу, хотя с великим стыдом и печалью. Без спора и брани, ибо, хотя видел нисшедшую к себе Душу человеческую, но эта Душа облечена была всемогуществом Божества, а он был уже поражен в главу и низложен на Голгофе крестом. Князь тьмы отдавал теперь все, что у него брали, что только могло и хотело выйти из его державы смерти, даже хотел бы сам бежать и сокрыться от света Божества, перед ним сиявшего, но действием всемогущества Иисусова был остановлен, лишен всех знаков начальства и власти, которыми он окружал себя, как самозванец, и, по выражению апостола Павла, *властно подверг их позору* (Кол. 2, 15) перед очами всех оставивших его теперь пленников, и всех, оставившихся с ним клеветов его.

«Проникнув во ад, — говорит святой Кассиан, — Христос сиянием Своей славы рассеял непроницаемый мрак тартара, разрушил медные врата, сокрушил железные веревы, и святых пленников, содержащихся в непроницаемом мраке адском, возвел из плена с Собою на небеса». Ад, по слову свт. Иоанна Златоуста, опустел... С какой радостью взывали освобожденные из темниц адových: «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?» Исполнился глас пророка Давида: *Да исповедятся Господеви милости Его, и чудеса Его сыновом человеческим, и да пожрут Ему жертву хвалы, и да возвестят дела Его в радости* (Пс. 106, 21—22).

Сошествие Христа во ад есть уже степень возвышения Его, ибо здесь объявлена победа над смертью. Возвышение Иисуса Христа было в том, что Он более не скрывал Божественности Своей, но даже и прославлял присвоенное Себе Человечество.

Вид знамений, сопровождавших предсмертные страдания Христа, вызвал страх у людей, находившихся на Голгофе и сошедшихся, как говорит св. евангелист Лука, *на сие зрелище* (Лк. 23, 48). Все стали поспешно расходиться; многие плакали, другие с отчаяния били себя в грудь. Мысль о том, не Мессия ли распятый Иисус, должна была запасть в душу тех, кто не совсем еще заглушил голос совести. Даже язычники, римский сотник и воины, которые стерегли Иисуса, были настолько потрясены всем, что им довелось видеть

и слышать, что из уст их невольно вырвалось восклицание: *Воистинну Божий Сын бе Сей* (Мф. 27, 54). На таинственную исповедь природы они ответили исповедью явной и всенародной: казненный на кресте — истинный Бог.

Справедливо говорил Господь о Себе: *Егда вознесете Сына Человеческаго, тогда уразумеете, яко Аз есмь* (Ин. 8, 28). «Сотник потому уверовал, — замечает свт. Иоанн Златоуст, — что Иисус умер со знаменами власти».

Предание сообщает, что сотник этот был родом из Каппадокии, именем Лонгин. Он был послан Пилатом стеречь гроб Господень. Став очевидцем всех событий, совершившихся при крестных страданиях Христа, и землетрясения при Его Воскресении, и явления Ангела, по воскресении отвалившего камень от входа в пещеру гроба Господня, Лонгин всецело уверовал во Христа с двумя присутствовавшими при этом воинами и сделался проповедником Воскресения Христова, возвестив все бывшее Пилату и первосвященникам иудейским. Когда же первосвященники, подкупив воинов, научили их утаить истину Воскресения Христова и хотели подкупить также и Лонгина, то он не только не согласился на это, но даже не пожелал молчать о том, чему был свидетелем. Эта твердость Лонгина озлобила первосвященников, и они старались погубить его, но не могли ничего сделать ему, старейшему из воинов и известному самому кесарю. Узнав обо всем этом, Лонгин оставил военную службу, принял крещение от святых апостолов с двумя своими товарищами и удалился с ними на свою родину Каппадокию, где, проповедуя Христа, обратил многих в христианство. Действия Лонгина стали известны иерусалимским первосвященникам, и они, подкупив Пилата, донесли Тиверию Кесарю, что сотник Лонгин сделался изменником императору и возмущает народ в Каппадокии. По этому донесению, подкрепленному золотом, последовало повеление смертной казни изменников. Посланы были воины в Каппадокию с приказанием усечь голову Лонгину и двум его товарищам и, в удостоверение смерти, принести голову сотнику в Иерусалим, что и было исполнено воинами.

День, в который пострадал и умер Христос, был последний пред пасхой еврейской, и христоубийцы, не желая оставить распятых на крестах в субботу, просили Пилата ускорить их смерть, перебить у них голени и снять с крестов. И вот ради субботы, дня великого покоя, распятым надлежало терпеть новые муки. Посланные от Пилата переломили кости ног у обоих разбойников. Подойдя же к Иисусу, они увидели, что Он уже умер; поэтому не стали перебивать Его голени, но для большего удостоверения, один из воинов пронзил Ему грудь между ребрами; и тотчас истекла кровь и вода. Этими событиями явно исполнились пророчества о Христе: *и воззрят на Того, Кого пронзили* (Зах. 12, 10); *кость Его да не сокрушится* (Исх. 12, 46).

Наступал вечер, когда надлежало снять с крестов тела, дабы они не висели в дни праздника пасхи. Тогда к Пилату явился богатый человек, Иосиф, родом из Аримафеи. Это был *знаменитый член совета* (Мк. 15, 43), т. е. синедриона, *человек добрый и правдивый* (Лк. 23, 50), не участвовавший ни в заговоре против Иисуса, ни в тех заседаниях синедриона, на которых произнесен Ему смертный приговор (см. Лк. 23, 50—51). Он был учеником Иисуса, но тайным *страха ради иудейска* (Ин. 19, 38), потому что синедрион грозил отлучением от синагоги всем явным ученикам Иисуса. Иосиф верил в скорое наступление Царства Божия и ожидал его.

Теперь Иосиф «отважился на явную смерть, так как возбуждал против себя всеобщую ненависть тем, что обнаруживал свою любовь к Иисусу и дерзнул просить тело Его, и не прежде отступил, пока приял его; дерзнул даже не только приять тело и погresti честно, но и положить в новом гробе, чем показал свою любовь и мужество» (свт. Иоанн Златоуст). Он не побоялся и того, что прикосновение к мертвецу, по закону, оскверняло человека на семь дней и, следовательно, лишало его всех святых обрядов и радостей пасхальной недели. Для возлюбленного Учителя Иосиф был готов на все.

Прошение Иосифа было первым известием, что Иисус уже умер.

Не имея никакой причины сомневаться в справедливости свидетельства Иосифа о смерти Иисуса, Пилат велел отдать ему тело для погребения.

Вместе с Иосифом снимать тело Спасителя с креста пошел и Никодим, *один из начальников Иудейских* (Ин. 3, 1), также тайный ученик Христа, — тот самый Никодим, который приходил к Иисусу ночью и потом на заседании синедриона заступился за него, сказав: *Еда закон наш судит человеку, аще не слышит от него прежде, и разумеет, что творит?* (Ин. 7, 51).

Иосиф и Никодим обернули тело чистой плащаницей и, умастив дорогими благовониями — смесью смирны и алая, положили его в нововысеченном в скале гробе. Ко входу в пещеру они привалили большой камень. *Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого* (Ис. 53, 9), *и покой Его будет слава* (Ис. 11, 10), — предсказывал пророк Исаия. То и другое пророчество исполнились в точности; над гробом Господним устроен был великолепный храм — он и доныне существует; то самое место, где лежало тело Христово, служит престолом, а гробница как бы алтарем Господним.

По всему видно, что Иосиф и Никодим думали о Христе, как о простом человеке и погребали Его навсегда, до последнего дня мира. Но эти знаки глубокого уважения к Божественному Мертвецу обратились потом в неоспоримые свидетельства Его воскресения. Невозможно было плащаницу, плотно прилипшую от мастей к телу, сударь быстро отделить от бездыханного тела, а между тем, в утро воскресения эти ризы, этот сударь лежали в порядке сложенными на опустевшем ложе воскресшего Господа.

За свою веру и любовь ко Господу Иосиф и Никодим претерпели гонения от иудеев и изгнаны были из сонмища. Иосифа бросили в ров, и спасен он был только силой Божией. У Никодима иудеи отобрали имение и начальство и изгнали из города. Законоучитель Гамалиил принял Никодима в свою весь и питал его до самой кончины. Погребен был Никодим в той же пещере, что и первомученик Стефан.

Мария же Магдалина и Мария Иосиева, смотрели, где Его полагали (Мк. 15, 47). Были тут и другие женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, которые смотрели, как Иосиф и Никодим полагали тело Его в гроб; все они, возвратившись по домам, приготовили благовония и масти, чтобы, по еврейскому обычаю, помазать тело Иисуса, но отложили это до дня, следующего за субботой, чтобы не нарушить заповеди о субботнем покое.

Не боялись нарушить этот покой только первосвященники и фарисеи. На другой день, т. е. в субботу, которая называлась великой, они вспомнили, что Иисус предсказывал не только Свою смерть, но и воскресение в третий день. Тотчас же они пошли к Пилату и сказали ему: *Господин! Поминухом, яко льстец Он рече еще сый жив: по трех днех встану. Повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы Его нощю, украдут Его, и рекут людем: воста от мертвых, и будет последняя леть горша первая* (Мф. 27, 63—64).

Бедные люди! Они чувствуют, они признают величие Иисуса во гробе, они боятся Иисуса мертвеца, но упорно продолжают борьбу с небесной истиной. Они борются с нею, но поражают только самих себя. Они забыли даже, что их собственный закон самое прикосновение к мертвецу уже считает осквернением, которое продолжалось до семи дней и требовало очищения, а неочистившийся подвергался смерти. «Ложь везде и все делает против себя и как бы невольно защищает истину» (свт. Иоанн Златоуст).

Они называют Его обманщиком, показывая тем самым жестокость свою, поскольку и по смерти не оставили своего гнева.

Пилат сказал им: «Вы имеете воинскую стражу при храме; пойдите, возьмите ее охраняйте гроб, как знаете» (Мф. 27, 65). И здесь все совершается по Промыслу Божию: для охранения покоя Царя нужна была не простая стража, и вот назначена стража, охранявшая храм.

Первосвященники, придя ко гробу, велели отвалить камень, закрывавший вход в пещеру, при этом удостоверились, что камень был *весьма велик* (Мк. 16, 4). Они вошли в пещеру увериться в целостности тела Иисусова, равно, как и в том, что нет другого

выхода из пещеры. Потом велели привалить ко входу тот же камень, приложили к нему печать синедриона, приставили стражу и удалились в сознании, что если и нарушили субботний покой, зато совершили великое дело.

Итак, синедрион сам принял меры, чтобы воскресение Христово не вызывало никаких сомнений. Так Премудрость Божия, не нарушая свободы человеческой, распоряжается самыми злыми делами людей, нагло идущих против истины, чтобы этими делами засвидетельствовать самую истину.